

ЛИХО

О, мой кот
нас обоих поймали
в полиэтиленовый мешок.

Егор Летов

ОНИ ЯВИЛИСЬ ДНЕМ, перед обедом. Выдрин заливал кипятком лапшу в контейнере, когда в дверь позвонили. Сначала длинно, затем несколько раз коротко, резко. И сразу начали стучать. Выдрин замер с чайником в руке посреди кухни. Он подумал о пожаре. Хотя дымом не пахло. Потом он подумал о лопнувшей трубе и мокрых соседях, живущих этажом ниже. Мелькнула даже безумная мысль о бывшей жене. Может, вспомнила спустя два года о затерянных под кроватью трусах и прибежала возвращать? Закрыв контейнер крышкой, он поставил чайник и вышел в прихожую.

— Открывайте немедленно! — крикнули из-за двери.

Выдрин посмотрел в глазок. На площадке стояли трое.

— Мы знаем, что вы дома, — сказал тот, который стоял ближе других. — Мы слышим музыку.

Из колонки играл Franz Ferdinand. Выдрин машинально сунул руку в карман штанов, нащупал смартфон и убавил громкость.

— Если вы не откроете, вынесем дверь. Не создавайте себе лишних проблем.

Выдрин несколько раз повернул колесико замка. Дверь тут же грубо распахнулась. Они вошли, оттеснив его вглубь прихожей. Впереди оказался невысокий, жирный мужик, с одной сплошной черной бровью. Она напоминала дохлую сколопендру, прилепленную к узкому лбу.

— Капитан Черненко, управление «Ч», — сказал он и показал удостоверение.

Двое других тоже достали удостоверения.

— Старший лейтенант Шмурнов, — представился рыжеватый крепыш.

— Младший лейтенант Синявский, — добавил третий, молодой и худощавый, похожий на стажера.

Немного судорожно Выдрин попытался заглянуть во все удостоверения, но не успел толком прочитать ни одно. Мелькнули печати, фотографии в мундирах, размашистые подписи. Потом удостоверения были убраны.

— Выдрин Александр Иванович? — спросил Черненко.

Сколопендра шевельнулась. Будто ожила.

— Да, — выдохнул Выдрин. — А что случилось?

— Не делайте, пожалуйста, резких движений, держите руки на виду, — сказал Шмурнов.

— Я не делаю, держу. А в чем дело?

— Где он? — спросил Черненко, глядя исподлобья.

— Кто?

Выдрин подумал о своем дошираке.

— Не надо прикидываться дураком, — добавил Шмурнов. — Ведь все равно никуда не денется. А вас привлечем за укрывательство.

— Да о ком речь-то? Объясните мне.

Он вспомнил своего спившегося друга Диму. Тот лежал в дурдоме. Потом вспомнил бывшего тестя, страдающего недержанием кишечных газов. Страдающего ли? Тот жил в области. О ком еще может идти речь? Отец умер. Брат эмигрировал. Жена ушла. Директор на прошлой неделе назвал его кретином. Ну и жизнь.

— Проверить помещения, — скомандовал Черненко. — А вы стойте на месте, Выдрин.

В квартире было две комнаты. В одну зашел Шмурнов. В другую Синявский. Черненко продолжал не мигая глядеть из-под брови. Выдрину было смешно и страшно.

— Извините, — пробормотал он. — Но я и правда не понимаю, что происходит. Вы не могли бы объяснить?

— Чуть позже вам все объяснят, — сказал Черненко.

— Здесь! — раздался из спальни юношеский голос Синявского. — Он тут, тут!

— Идемте.

Из гостиной вышел Шмурнов, почесывая нос дулом пистолета.

— Убери, — сказал Черненко.

Они зашли в спальню. Синявский показывал пальцем на кровать.

— Вот он, голубчик, дрыхнет. А я говорил, они днем дрыхнут, а ночью бесятся.

— Фу, какой мерзкий, — скривился Шмурнов.

Выдрину стало обидно. «Козел», — подумал он.

Посреди кровати, свернувшись калачиком, спал выдринский кот Диего породы донской сфинкс, похожий одновременно на рептилию и старичка.

— Игорь, понятых! — скомандовал Черненко.

Радостно засопев, Синявский вышел. Шмурнов наклонился к коту и громко сказал:

— Встать!

Диего приоткрыл недовольные зеленые глаза.

— Управление «Ч», — продолжал Шмурнов. — Вы задержаны!

Выдрин захохотал. Черненко повернулся к нему и спросил сквозь зубы:

— Что смешного, Выдрин?

— Ну, это... Это шутка? Розыгрыш?

— Обхохочешься скоро, — ответил Шмурнов, выпрямляясь.

— Кем вы приходитеесь задержанному? — осведомился Черненко.

— Он мой кот, — ответил растерянно Выдрин.

— Кем ему приходитеесь вы? То, что он кот, мы видим.

— Так это... Он тут у меня живет... Я его хозяин вроде как...

— Нет такого юридического статуса «хозяин», только при рабовладельческом строе, — сказал Черненко.

— И в БДСМ, — добавил Шмурнов. — Он не хочет вставать, Леша. Вязать?

Выдрин охнул.

— Погоди, — сказал Черненко. — Он вам не родственник, правильно?

— Ну я же человек все-таки.

— Значит, он ваш сожитель?

— Не знаю, наверно.

— Так и запишем в протокол.

Вернулся Синявский в компании двух юношей.

— Где его вещи? — спросил Черненко.

Диего тем временем встал, выгнул спину и потянулся. Потом позевал и снова лег.

— Ну, у него нет вещей. Игрушки только.

— Где они?

— Ну, я не знаю. Он их куда-то загнал, под кроватью, может.

— Игорь! — рявкнул Черненко.

Синявский встал на четвереньки и, светя фонариком смартфона, заглянул под кровать.

— Тут мячик, лягушка какая-то,дохлая мышь, а, нет, игрушечная... А еще кучка говна.

— Вы что, не убираете за сожителем? — спросил Черненко.

— Ну, не успел. Вообще он к лотку приучен.

— А что вы нукаете все время?

— Ну...

— Хватит! Игорь, доставай все. Понятые, внимание!

— Говно тоже доставать?

— На экспертизу.

Синявский натянул голубые латексные перчатки и полез под кровать. Выдрин растерянно смотрел на его откляченный тощий зад. Потом, чувствуя себя участником шизофренического представления, спросил:

— А в чем его обвиняют?

— Узнаете, когда вас вызовут, — сказал Черненко.

Синявский раскладывал в пакеты подкроватное содержимое. Шмурнов внимательно смотрел на кота.

— Где его документы?

— Да у него и не было никаких документов, — пожал плечами Выдрин.

— Совсем никаких?

— Ну... Извините. Есть ветеринарный паспорт.

— Сюда давайте.

Выдрин выдвинул ящик стола, порылся и достал синий буклетик. Шмурнов выхватил.

— Ишь ты! Диего, значит? В честь Марадоны, что ли?

— Нет-нет. В честь художника.

— Кастрирован? Ага, вижу. Прививки тоже...

Он убрал паспорт во внутренний карман.

— А, — сказал Выдрин. — А.

— Что вы акаете?

— А это точно не ошибка?

— Никакой ошибки.

— Но он же ни в чем не виноват.

— Следствие разберется.

— Следствие?

— А дальше — суд. Все, забираем.

— Пойдите, — сказал Выдрин. — А...

— Переноску, блядь, в машине оставил, — перебил

Шмурнов.

— Игорь!

Синявский выпрямился.

— Соловьев, сгоняй.

Один из юношей шустро выскочил из комнаты.

— Вы его правда, что ли, забираете? — спросил Выдрин.

Он глядел по очереди на всех — Диего, Шмурнова, Синявского, Черненко, оставшегося понятого. Тот зевал, раздув ноздри.

— Никаких шуток. Дело очень серьезное. Вам, Александр Иванович, советую не чинить препятствий. Иначе мы применим спецсредства. Это первое. Второе — уголовное дело за оказание... Как там, Вить?

— Ай, — отмахнулся Шмурнов. — Бла-бла-бла. Есть хочу. Обедать пора.

— Верно! Сейчас сдадим клиента и похаваем.

— Я в это просто не верю, — сказал Выдрин.

Никто не ответил. Вернулся понятой с сумкой-переноской. Шмурнов протянул к Диего руки.

— Стойте, пожалуйста! — закричал Выдрин. — Ну пожалуйста! Ну послушайте же... Это же что-то... Да это же... Да такого не может быть же...

— Же-же-же, блядь, — процедил Черненко. — Вы филолог, что ли? Лингвист?

— Нет. Все. Я не дам вам...

— Игорь!

Синявский подскочил, неловко, но болезненно выкрутил руку и прижал Выдрину головой к полу. Дышать стало тяжело. Налитыми кровью глазами Выдрин смотрел снизу, как Шмурнов схватил Диего за шкирку и засунул в сумку-переноску. Кот заорал и оскалил клыки.

— Перестаньте, — простонал Выдрин. — Он же боится...

— Это хорошо, — ответил откуда-то сбоку Черненко. — Но неправильно. Закон надо уважать, а не бояться.

Выдрин в последний момент сдержался и не назвал их козлами. Синявский отпустил руку. Она, потеряв чувствительность, болталась как плеть.

— Будем считать, что это недоразумение, — сказал Черненко. — Мы ведь тоже умеем быть гуманистами, Александр Иванович.

Потом они ушли.

Выдрин сидел на полу, баюкая руку и глядя в угол комнаты. Там стоял пустой кошачий лоток.

«А нагадил под кровать, подлец», — промелькнула мысль.

От этой мысли стало больно. Будто проглотил кусок стекла и тот медленно опустился в желудок, обдирая горло и пищевод. Выдрин перевел взгляд на окно. Подоконник был пуст. Диего любил сидеть там вечерами, когда солнце шло к закату и освещало комнату. Грелся. А еще на этом подоконнике Выдрин как-то раз занимался сексом с женой. И она чуть не выдавила спиной стекло. Оно треснуло. Пришлось вставлять новое. Это делал пожилой тощий дядька, от которого воняло уксусом. Или кошачьей мочой.

Из прострации Выдрина вывел звонок смартфона.

— Александр Иванович! Климов повесился! — раздался юношеский голос.

— Какой Климов? Кто это говорит?

— Миша Капустин, ваш ученик. Вы что, не узнали?

— А Климов — кто?

— Так это же тоже ваш ученик! Юра Климов! Мы вместе учимся у вас! Вы забыли?

Выдрин вспомнил. Действительно, оба — его ученики. И что делать?

— Так, — сказал он. — И что делать?

— Кому? — спросил Миша Капустин.

— Мне.

— Не знаю. Я просто позвонил сообщить...

— Спасибо, — сказал Выдрин.

— Пожалуйста.

Некоторое время они молчали.

— До свидания, — произнес наконец Миша. — До понедельника.

— До свидания, — ответил Выдрин. — До понедельника.

Когда боль в руке утихла, он встал и вышел на кухню. Лапша распухла, размякла и выглядела так, будто ее

уже переварили. Из колонки пел Дэвид Боуи. Выдрин вывалил лапшу в унитаз, а контейнер выбросил в мусорное ведро. Потом достал смартфон и позвонил Лене, своей любовнице.

— Саша, — сказала она. — Что-то случилось? Мы же завтра встречаемся.

— А сегодня можем? — спросил Выдрин.

— Нет, сегодня я с детьми. А завтра их муж заберет на три дня. И я буду свободна. Ты забыл?

Выдрин всегда раздражало, что она называет бывшего мужа просто «муж», не добавляя «бывший». Он постоянно делал замечания. Но сейчас не придал этому значения.

— Я помню, — сказал Выдрин. — Просто подумал... Кое-что случилось.

— Серьезное?

— Странное. Я не знаю, что делать.

— Не трогай! — сказала Лена. — Извини, я не тебе. Глеб мою косметичку утащить хочет. Так что ты говорил?

— Ты можешь приехать? — спросил Выдрин.

— Саш, говорю же, я с детьми.

— А можно я приеду?

— Ну Сашенька, мама вот-вот придет. Не надо, чтобы она тебя видела. Ты же знаешь.

— А она может с детьми остаться?

— Нет. То есть может. Но она спросит, куда я поехала на ночь глядя. Саш, ты чего? Все забыл?

— Помню. Ладно.

— Скажи, что случилось?

— Не знаю, как сказать. В общем, тут сейчас пришли люди из полиции и арестовали Диего, моего кота. Ты его знаешь.

Лена молчала. На заднем плане слышался детский смех. И Выдрин, как всегда, чуть-чуть заревновал.

— Вот, — вздохнул он. — Такие дела. Сунули его в переноску и унесли. И я не знаю, что теперь делать.

Лена продолжала молчать.

— Я растерялся, честно говоря. Они ворвались. Я думал, за мной. Хотя я-то ни в чем не виноват. Но мало ли. А забрали кота. Мне чуть руку не сломали. Может, адвокату позвонить? У тебя есть знакомый адвокат?

— Саш, — сказала Лена. — Ты покурил что-то? Или понюхал?

— Ну приехали! Лен, ты что! Когда я... Ты хоть раз видела?

— Тебе Дима что-то дал?

— При чем тут Дима? Кота забрали! Сунули в сумку и унесли. Какое-то управление «Ч». Я ни разу не слышал о таком.

Выдрин смутился и замолчал.

— Сашенька, ты можешь вызвать кого-нибудь? Врача? Или твоей маме позвонить? Я бы приехала, правда. Но не могу детей оставить. Завтра обязательно приеду. Сейчас тебе нельзя быть одному.

— Да господи ты боже мой! — закричал Выдрин. — Да что же это такое! Почему ты меня не слушаешь? Почему ты мне не веришь?

— Сашенька, успокойся! Я слушаю! И верю!

— Ага, конечно! Я заметил!

Они замолчали. И только дышали друга на друга в телефоны. Он враждебно и обиженно. Она испуганно.

— Ладно, — сказал Выдрин. — Завтра приедешь, сама увидишь. Если приедешь, конечно.

И отключился, не дав ей ответить. Немного подождал. Из колонки пел Моррисси. А Лена не перезвонила.

Выдрину слегка поплохело. Он чуть сам не перезвонил ей. Даже собрался первым делом соврать, что случайно нажал ухом отбой. Но сдержался. Позвонить маме? Он позвонил маме.

— Мама, — сказал Выдрин. — Это я.

— Шурочка, как ты вовремя. В начале ноября мы с Владимиром Романовичем летим на две недели в Грецию. Ты сможешь приходить к нам и поливать его диффенбахию?

— Но это же еще не скоро, — сказал Выдрин.

— Хотелось бы знать заранее.

— Да, смогу.

— Спасибо, мой хороший! Владимир Романович шлет тебе привет.

— Молча?

— Что — молча?

— Я не слышал сейчас, чтобы он мне привет передавал.

— Ах ты такой шутник!

— Да, я такой. И у меня кота арестовали.

— О-хо-хо! А-ха-ха-ха! У-у-ху-ху-ху! Хе-хе-хе! Хи-хи! Санечка, приходи на той неделе ужинать к нам. Владимир Романович приготовит голубцы в конвертиках.

— Не знаю, смогу ли. Много работы. Надо готовиться к районной выставке. Да, а еще мой ученик повесился. В общем, забот хватит.

— Береги себя, Санечка. Созвонимся.

— Да, мама. Целую тебя.

До того как отключиться, он успел услышать:

— Вовик, тебе от Санечки привет.

— Какое счастье, — ответил Вовик.

Из колонки запела Лана Дель Рей.

— Ланочка, — пробормотал Выдрин и улыбнулся.

Он сходил в «Магнит», купил бутылку «Талки» и быстро напился. Стал бродить по квартире, задевая стены и бормоча ругательства. Потом немного поплакал. Но слез почему-то не было. Лишь глаза слегка зачесались. Умыв лицо, Выдрин лег на кровать, поставил рядом ноутбук и включил концерт The Cure. Музыка не утешала. Он ословело смотрел на покрытое макияжем одутловатое лицо Роберта Смита, исполнявшего песню «One hundred years».

— Да уж, — пробормотал Выдрин.

И уснул.

Его скинули с кровати грубые мужичьи руки, больно вцепившиеся в волосы и ворот рубашки. Человек с одной сплошной бровью навис над ним и заорал:

— Не шевелиться, падаль!

Выдрин попытался ответить, что не шевелится, но рот будто глиной забили.

— Кот дал показания! — продолжал человек. — Умный оказался. Но мы все равно его повесим. И тебя повесим.

— За что? — с трудом выговорил Выдрин.

Было ощущение, что он пытается говорить под водой.

Человек наклонился. У него было лицо сожителя матери, Владимира Романовича.

— За ноги, — сказал он жарким шепотом.

Бровь возбужденно задрожала.

— Голова твоя нальется кровью и лопнет.

— Помогите, — пробормотал Выдрин.

И проснулся.

Кто-то длнно звонил в дверь. За окном светило солнце. Хотя засыпал он в потемках. Ноутбук почему-то